

УДК 323.1, 314/316

*Г.А. Данилова, А.А. Демянник***ПОЛИТИКА ИНДИХЕНИЗМА В СОВРЕМЕННОЙ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ**

В статье рассматривается политика индихенизма в современной Латинской Америке. На основе социально-конструктивистского подхода анализируются изменения, происходившие на протяжении XX-XXI веков в государственной политике ряда стран региона в отношении коренного населения, оцениваются позиции интеллектуалов и элит при формировании повестки и различных вариантов политики индихенизма в контексте колониального европейского наследия и политических событий XX века. Индихенизм в данной работе рассматривается как особая государственная политика в отношении коренного населения и стратегия нациестроительства в странах Латинской Америки. Особое внимание уделено странам, в которых значительную часть населения составляют индейцы – Мексике, Перу и Боливии. Эти страны на протяжении веков были объединены общей историей: доиспанские цивилизации Америки – майя, ацтеки, инки, населявшие их территории, отличались высоким уровнем развития и науки и культуры. Однако длительное время, даже после обретения независимости, коренные этносы считались неспособными на самостоятельное развитие, их целенаправленно уничтожали или ассимилировали. Для интегрированных индейцев-метисов в части стран Латинской Америки были приняты специальные термины, нацеленные на стирание их индейского происхождения. Европейский либерализм также внес свой вклад в понижение статуса индейцев и индейской земли, которые постоянно подвергались нападкам. Несмотря на произошедшие к концу XX века видимые позитивные изменения в латиноамериканском законодательстве, касающемся индейцев, последние по-прежнему вынуждены бороться за свою территорию, культурную самобытность, находятся в бесправном и бедственном положении. В статье обозначен ряд факторов (идеологической приверженности, характера политического режима и др.), оказавших то или иное влияние на изменение риторики латиноамериканских элит в установлении индихенистской повестки в разные временные периоды. Делаются выводы о вариативности политики индихенизма в указанных странах на современном этапе в зависимости от сочетания ряда факторов.

Ключевые слова: Латинская Америка, государственная политика, индихенизм, нациестроительство, расовые отношения, интеллектуалы, коренное население.

DOI: 10.35634/2587-9030-2022-6-1-111-125

Ссылка на статью:

Данилова Г.А., Демянник А.А. Политика индихенизма в современной Латинской Америке // Вестн. Удм. ун-та. Социология. Политология. Международные отношения. 2022. Т. 6, вып. 1. С. 111–125. <https://doi.org/10.35634/2587-9030-2022-6-1-111-125>

Введение

Государственная политика в отношении коренных народов имеет значение для Латинской Америки. Вопрос формирования нации оказался одним из самых главных на повестке дня после обретения странами континента национальной независимости в XIX веке. Политика индихенизма в ряде государств латиноамериканского региона стала частью процесса нациестроительства, в других – почти полностью совпала с этим процессом. Сложный социально-политический и исторический фон, сопровождавший формирование новых государств и наций, был усилен мультирасовым составом населения, социальным неравенством и политической нестабильностью, особенно свойственной этому региону. В молодых латиноамериканских государствах с высоким процентом индейского населения обрел популярность официальный политический дискурс интеграции с доминирующей культурой, для которой характерно стирание социокультурных особенностей коренных народов и этнической самобытности. Эта тенденция была также справедлива и для тех латиноамериканских государств, в численном составе населения которых преобладало темнокожее население с африканскими корнями. С учетом того, что этнические и национальные факторы продолжают обуславливать современные мировые политические процессы и воздействовать на них, в том числе на государственную политику мультиэтнических государств, актуальным представляется проанализировать государственную политику Мексики, Перу и Боливии в отношении представителей коренных этносов с целью выявления особенностей и механизмов включения индейского населения в социальные и политические процессы в историческом контексте. Предполагается, что динамика данной государственной политики имеет положительную направлен-

ность, а качественные изменения напрямую связаны со сломом авторитарных форм правления и становлением в 80-х годах XX века демократических институтов.

Теоретическое основание и метод

Политика индихенизма рассматривается в этой работе с позиций социально-конструктивистского подхода. Конструктивизм, применяемый для анализа международных отношений, рассматривает почти все элементы мировой политики «в качестве социально-сконструированных сущностей, на формирование которых влияют исторические или социально-экономические процессы, т. е. они обретают свою форму благодаря социальной практике и взаимодействию разных акторов между собой» [2]. Социально-конструктивистское понимание нациестроительства подразумевает, что нация (в том числе идея нации, идентичность, культурные ценности) создается на основе общих, разделяемых сообществом идей и практик. Государства Латинской Америки, выступающие в качестве единицы анализа, рассматриваются в данной работе в интересующей связи с социальными отношениями (идеями, ресурсами, практиками), через призму их взаимодействия и взаимного влияния.

Результаты и обсуждение

Получив независимость, большая часть бывших колоний образовала государства в уже существующих административно-политических границах. Однако в возникших де-юре государствах отсутствовали нации. Могло показаться, что конструирование нации в готовых государственных границах было легко решаемой в обозримой перспективе задачей. Но, напротив, задача оказалась не из простых, поскольку от колониального прошлого большинству новых латиноамериканских государств достался пестрый этнический состав населения, основными представителями которого были европейцы, африканцы и индейцы. Помимо этого, в этническом рисунке присутствовала значительная часть метисов, явившихся результатом многовекового смешения между собой трех указанных групп [6].

Латиноамериканские элиты не пытались избежать обсуждения вопросов об этническом составе населения и его влиянии на национальную идентичность новых государств. Напротив, дискуссии о расе начались еще до обретения независимости, в дальнейшем включив в себя вопросы об отношении к колониальному прошлому, восприятию европейских культурных норм и ценностей и поиска особого пути нациестроительства с сохранением национальной самобытности. В этих дискуссиях особое место занимали латиноамериканские интеллектуалы. «Влияние последних на векторы развития региона сложно переоценить: они участвовали в обсуждении и разработке едва ли не каждой идейно-политической, социально-экономической и культурной концепции, формируя собственный уникальный взгляд на альтернативы возможного развития стран Латинской Америки» [6].

В дебатах об идентичности новых государств центральную роль играли понятия метисации, мулатизации, «беления», «расовой демократии», то есть расово-культурных смешений. В целом, официальная риторика о нации была антирасистской и гомогенизирующей, хотя в то же время в ней четко прослеживалось расовое разделение. Одним из главных вопросов для молодых государств с относительно высоким количеством индейского населения стал вопрос о месте и значении «индейского компонента» в процессе национальной консолидации. Осознание этой проблемы начинается, прежде всего, в Мексике, а затем и в андских странах.

Ранние годы существования молодой Мексиканской республики были отмечены политической нестабильностью и интенсивным противостоянием либералов и консерваторов. Такая ситуация начала складываться сразу после обретения ею независимости в 1821 году и продолжалась вплоть до Мексиканской революции 1910–1917 годов. Несмотря на взаимоисключающие позиции по многим вопросам, представители как консерваторов, так и либералов были солидарны в том, что коренное население представляет собой неполноценную категорию и должно ассимилироваться с основным населением для преодоления этого состояния [5].

В Конституции Мексики 1917 года не было ни одного раздела о правах индейцев. В стране, этнически и регионально неоднородной, важной целью стало создание объединяющей идеологии, которая способствовала бы скорейшему экономическому развитию и нивелированию этносоциальных проблем. Крупная буржуазия и многие интеллектуалы того времени рассматривали коренные народы как препятствие на пути реализации проекта модернизации Мексики, целью которой было экономическое процветание и единая нация. По этой причине мексиканское национальное единство должно

было быть построено на основе этнически однородного общества, коренные народы должны были быть «мексиканизированы», то есть интегрированы в общество в качестве метисов [5].

Наиболее известные интеллектуалы того времени (революционный интеллектуал и политический деятель Андрес Молина Энрикес, этнограф Мануэль Гадио, философ и государственный деятель Хосе Васконселос, а также педагог и первый директор Межамериканского индихенистского института Мойсес Саенс) заложили основы видения, согласно которому этническая неоднородность рассматривается как препятствие на пути к полному формированию национальной идентичности.

История республики Перу в первые 20 лет её независимости была наполнена борьбой с Боливией, восстаниями и переворотами, что практически означало отсутствие интеллектуальных дискуссий о проблеме коренного населения в стране. Одним из первых, кто затронул данную тему и выдвинул идею о том, что именно индеец представляет собой «истинный субстрат нации», был перуанский политический деятель и поэт Мануэль Гонсалес Прада. В 1888 г. в театре «Политеама» он произнес ставшие широко известными слова: «Я никогда не перестану рассматривать индейскую проблему как составную и неразделимую часть проблемы нации». Для Прады крайне важным было именно социальное содержание этой проблемы. Он видел ее разрешение в аграрных преобразованиях в стране и в освобождении индейцев от господства латифундистов [3].

1930-е годы – время расцвета индихенизма, который зародился как идейно-политическое и культурное движение во второй половине XIX в. Индихенизм представлял собой направление общественной мысли и государственную политику, направленную на улучшение условий жизни коренных народов, их политическую и социальную включенность. В период с 1910 по 1940 гг. индихенисты объединялись в кружки в Перу, Боливии, Эквадоре. Молодые интеллектуалы размышляли об особой роли коренных народов в формировании национальной идентичности, индейском мире как источнике ценностей, стремились к решению индейского вопроса путем социальной революции. Началом перуанского индихенизма как идеологического и общественного течения стало возникновение в Куско в 1927 году «Группы возрождения», в которую первоначально входили Л. Валькарсель, Л.Ф. Паредо, Х. Уриэль Гарсиа, а затем и другие литераторы, ученые, деятели искусства и просветители. В Перу, впервые в Латинской Америке, в работах Мариатеги была дана марксистская интерпретация индейской проблемы.

Перуанский интеллектуал и политический деятель левого толка, Хосе Карлос Мариатеги хорошо понимал значение массового участия перуанских индейцев в социальных революциях. «Индийская проблема порождена нашей экономикой. Ее корни — в системе земельной собственности», — отмечал Мариатеги, подчеркивая неразрывную связь между индейским и аграрным вопросом [10]. В духе ленинской революционной теории Мариатеги утверждал, что союз индейских крестьян с растущим пролетариатом при руководящей роли последнего может превратить антиимпериалистическую и антисевероамериканскую революцию в социалистическую. Другой видный перуанский политический деятель и интеллектуал, основатель АПРА Виктор Рауль Айя де ла Торре тоже считал индейских крестьян основной движущей силой в социальной революции, видя главную беду индейского населения в безземелье и эксплуатации. А. Шинкаренко отмечает, что индихенизм националистического толка в дальнейшем стал одной из характерных черт перуанского апризма» [14].

Война за независимость в Боливии и первые десятилетия молодой республики, приведшие к политической нестабильности и отсутствию связи с внешним миром, вызвали, как и в случае Перу, спад интеллектуальной активности. Несмотря на улучшение ситуации во второй половине XIX века, дискуссии по вопросу о роли и месте коренного населения в жизни боливийского общества начались только в XX веке. Боливийские интеллектуалы отстаивали тезис об индейской самобытности в противовес олигархической антииндейской и расистской позиции.

Так, Альсидес Аргедас, крупный землевладелец, писатель, дипломат, много лет проведенный в Европе, в своем эссе «Больной народ» выступил противником идеи строительства новой боливийской нации. Впервые в истории боливийской общественной мысли он выдвинул тезис о том, что Боливия — страна индейцев и что индейское население будет определять ее будущее.

Основные положения концепции «индейской самобытности» были изложены в работах Хосе Мендосы, писателя и общественного деятеля. Главные положения так называемого «теллурического детерминизма» заключались в том, что на формирование боливийской нации определяющее влияние оказывало и продолжает оказывать индейское Альтиплано. Мендоса утверждал, что индеец является фундаментальным фактором экономической, социальной и культурной жизни Боливии. Разрешение

индейского вопроса боливийский интеллигент, как и другие националисты, видел в радикальной аграрной реформе, которая явится исходным моментом «возрождения» индейцев [5].

Таким образом, несмотря на видимое сходство исторического развития стран региона, отношение интеллигентов к индейской проблеме в Мексике, Перу и Боливии сильно различалось. В Мексике ключевой дискурс сводился к идее «мексиканизации» коренных народов для их же блага, в Перу – к идее социалистической революции с движущей силой в лице самих индейцев. В Боливии же интеллигенты сконцентрировались на главной ценности индейцев – земле. Именно боливийские интеллигенты задумались о том, что действительно будет лучше для самих индейцев как особой группы населения страны, и пришли к выводу, что улучшение положения коренного населения невозможно без аграрной реформы.

Авторитарные режимы второй половины XX века в Латинской Америке использовали идею революционного национализма для консолидации нации и формирования национальной идентичности. Мексиканский авторитаризм при Ласаро Карденасе значительно расширил политику в отношении коренного населения. Карденас уделял особое внимание проблеме коренного населения и поощрял разработку государственной политики в отношении индейцев не только для Мексики, но и для всей Латинской Америки. Так, в 1936 году был создан Автономный отдел по делам аборигенов (Departamento Autónomo de Asuntos Indígenas), а в 1940 году в Пацкуаро, штат Мичоакан, состоялся первый Межамериканский конгресс коренных народов.

Правительство Карденаса развернуло широкую реформистскую кампанию. Было организовано проведение аграрной реформы, и с 1934 по 1940 год крестьянам-общинникам, большинство которых составляло коренное население, было передано 18,4 млн га земли [12]. Одновременно с этим была возвращена сеть специализированных сельскохозяйственных технических школ. Обучаясь в высших и средних специальных учебных учреждениях Мексики, индейцы могли претендовать на стипендии. Прилагались усилия по развитию письменности некоторых народов, издавались алфавиты и словари [1].

Одной из главных целей реформ Карденаса стало преодоление отсталости крестьянского населения, большинство которого составляли коренные жители, и объединение различных групп этого населения для включения их в единый национальный проект. Карденас искал варианты консолидировать аграрную сферу в стране и поставить ее под полный контроль государства. Благодаря аграрной реформе Ласаро Карденас остался в памяти крестьян-индейцев как великий благодетель.

С приходом к власти Мануэля Авила Камачо (1940–1946) и Мигеля Алемана Вальдеса (1946–1952) возникли новые идеи о развитии, которым мешал образ жизни, рудиментарные языки и обычаи коренных жителей, не соотносившиеся с укладом жизни мексиканцев того времени. Именно тогда был взят политический курс на интеграцию и ассимиляцию коренных народов. Постулировалось, что стирание культурных и языковых различий и различий в образе жизни станет панацеей от бедности, а у нации появится больше возможностей для достижения целей развития [27].

В 1948 году в Мексике был основан Индихенистский национальный институт (INI). Одновременно в течение длительного периода в стране проводились многочисленные мероприятия, затрагивавшие все сферы жизни коренных народов и направленные в конечном итоге на полное искоренение понятия «аборигенность» в умах самих индейцев.

Через 36 лет после начала политики в отношении коренных народов мексиканское государство посредством INI инициировало новый политический проект, в рамках которого аборигены должны были участвовать в разработке и реализации программ развития. При президенте Хосе Лопесе Портильо (1976–1982) и вплоть до прихода к власти Мигеля де ла Мадрида (1982–1988) осуществлялся политический проект под названием «Traspaso de funciones» (исп. Передача функций). Фактически суть этой деятельности заключалась лишь в учете мнения коренных жителей при утверждении проектов, разработанных мексиканскими специалистами. Данный процесс часто подвергался различным манипуляциям [27]. Важно отметить тот факт, что принципы политики «передачи функций» в целом не соответствовали настроениям и потребностям национального движения коренных народов. Индейцы требовали не доступ в государственные структуры и процесс принятия решений, а лишь уважение и право на автономию и самоопределение.

Перуанский авторитаризм основывался на национализме, который был «дополнен» как слева, так и справа, причем в обоих случаях авторитарными лидерами. Как отмечает латиноамериканская публицистка Китти Сэндерс, слева это сделал Веласко Альварадо (лидер военной хунты) со своим Планом Инка и жесткой интеграцией коренных жителей в перуанское общество, а справа — Альберто Фухимори [6].

Послевоенный экономический кризис, разразившийся в 1919-1921 гг. в Перу из-за падения спроса на экспортные товары, существенно ухудшил уровень жизни населения страны. В этих условиях бывший президент Аугусто Бернардино Легия, которого можно оценить как наиболее влиятельную политическую фигуру начала XX века в Перу, совершил в 1919 году переворот и установил личную диктатуру, просуществовавшую до 1930 года. Легия, особенно в годы своего первого президентства, стремился найти опору в национальной буржуазии и даже построить доверительные отношения с прогрессивными кругами университетской интеллигенции, которые в своих идеях уже стремились к осуществлению демократических и антифеодальных преобразований в стране. В целом, Легии удалось добиться желаемого и получить поддержку в своих начинаниях по улучшению положения индейских крестьян [5].

Время пребывания Легии у власти совпало с большим количеством индейских восстаний и общим недовольством населения вообще. Тяжелое положение коренных народов подкреплялось ростом производства сахара, а также добычей полезных ископаемых в горах и каучука в джунглях. Чтобы подавить революционные настроения, Легия был вынужден как можно скорее обратиться к решению политических и социально-экономических проблем в Перу. Вслед за молодыми интеллектуалами им была выдвинута идея строительства "новой родины". Легия поддержал движение за университетскую реформу, пообещал разрешить накопившиеся территориальные споры с Чили, Колумбией и Эквадором и провозгласил новое отношение к коренному населению. При Легии индейский вопрос был юридически закреплён в Конституции 1920 г. В 1933 г. впервые за всю историю латиноамериканских стран был издан закон, закрепляющий за индейскими общинами их право на землю, однако фактически новый юридический принцип носил декларативный характер.

Несмотря на несомненный подъем экономики Перу в период президентства Легии, его политика, в отношении индейцев в целом носила антисоциальный характер. С помощью политики олигархии Косты стремились любыми способами достичь превосходства территорий над сьеррой, где проживает большая часть коренного населения. Так, с начала XX века свыше 5000 семей мелких и средних землевладельцев лишились своих земель в долине Чикама, а число крупных асьенд в этой долине сократилось вдвое с 1918 г. по 1927 г. Легия в своей политике, которая изначально позиционировалась как демократическая и идейно была направлена на улучшение положения коренного населения, не сумел добиться желаемых результатов. Военные правительства же, в последующие десятилетия менявшиеся одно за другим, при попытках осуществления аграрной реформы, необходимость которой уже активно обсуждалась в кругах интеллектуалов, предсказуемо наткнулись на сопротивление латифундистов.

В период пребывания на посту президента Хосе Луиса Бустаманте-и-Риверо, чье правление длилось всего три года (1945-1948), появилась практика контролируемой политической мобилизации коренных жителей. Глава государства лично принимал участие в собраниях с участием представителей коренных народов. На собраниях коренные жители могли напрямую рассказать о проблемах, с которыми сталкиваются общины, и попросить о помощи [9]. Этот вид взаимодействия не стал систематическим и не был закреплён институционально, но в дальнейшем такая практика будет использоваться в период левонационалистического военного режима генерала Хуана Франсиско Веласко Альварардо (1968–1975) с помощью специализированного государственного органа – Национальной системы поддержки социальной мобилизации.

Новый этап политики индихенизма в Перу пришелся на 60-е годы XX века. В это время на смену идеям Мариатеги и де ла Торре пришел индихенистский реформизм. Наиболее ярко он проявился при президенте Ф. Белаунде Терри (1963–1968 гг.). Основными задачами новой политики были модернизация традиционного жизненного уклада индейского крестьянства, включение его в социально-экономические процессы и подчинение правительству в обстановке разворачивающегося в середине 60-х годов освободительно-демократического движения. Политика Белаунде была нацелена на решение индейского вопроса «сверху», противопоставление реформистской альтернативы назревшим потребностям революционных преобразований, предотвращение поддержки партизанского движения со стороны индейских крестьян и повторения "кубинского опыта" [5].

В целом, «белаундизм» был своеобразной попыткой совместить индейскую общину с развитием капитализма в Сьерре, найти наиболее адекватные пути включения индейского крестьянства в современные хозяйственные отношения. Поскольку благосостояние государства инков, к которым апеллировал Белаунде, зиждилось главным образом на общине и дорогах, он надеялся улучшить экономику страны, уделяя основное внимание именно укреплению общины и строительству дорог. Об-

щина, преобразованная в кооператив, наравне с кооперированием мелких земельных собственников должна была разрешить наиболее тяжелую внутреннюю проблему Перу – нехватку питания. Создание же системы путей сообщения было призвано скоординировать экономическую и социальную жизнь страны, вывести из состояния отсталости небольшие населенные пункты, способствовать расширению внутреннего рынка. Но на этом реформистском пути непреодолимо встала неразрешенность аграрной проблемы.

В 1964 году было решено разработать и принять закон об аграрной реформе, которая при всей своей ограниченности могла бы открыть определенные возможности для наделения индейских крестьян землей. Были отменены формы феодальной эксплуатации в Сьерре, начал претворяться в жизнь план «Народная кооперация». Предусматривалось преобразование в кооперативы индейских общин в различных районах, а к 1965 г. было организовано 252 кооператива. Многим общинам оказывалась финансовая поддержка [5]. В эти же годы наблюдается дальнейшее развитие практического индихенизма в Сьерре. В индейские деревни направляются десятки «просветителей», главным образом из числа молодой патриотически настроенной интеллигенции и студенчества, а также много специалистов и студентов-добровольцев из США.

В целом, несмотря на искреннее стремление Белаунде внести вклад в решение индейской проблемы в Перу, подобная политика не нашла положительного отклика среди коренного населения. Изначально преследуя цель мирных и ненасильственных преобразований, Белаунде постепенно стал пренебрегать этим принципом и применять репрессивные меры по отношению к индейским крестьянам. Через несколько лет индихенистский реформизм Белаунде полностью исчерпал себя.

В период правления генерала Хуана Веласко Альварадо символом масштабного националистического проекта нового режима становится фигура Тупака Амару II (настоящее имя Хосе Габриэль Кондорканки Ногера) – латиноамериканского революционера, организатора и руководителя восстания коренных народов против испанских колониальных властей. Все революционное и националистическое в период режима Веласко носило имя Тупака Амару, а его портрет был даже отчеканен на монете в 50 солей [18]. В 1969 г. было объявлено об упразднении латифундий и создании полноценных кооперативов при выделении дополнительного государственного финансирования для всего аграрного комплекса. Этим же правительством в 1972 г. был одобрен Национальный план по обеспечению образования на родных языках для индейского населения. Так, языки двух самых крупных индейских этносов – кечуа и аймара – впервые были включены в программы школьных учреждений.

В 1930-х гг. в Боливии установился режим «государственного социализма», приведший к власти генерала Германа Буша Бессеру. Новая конституция Боливии, принятая генералом в 1938 году, стала первой конституцией в стране, в которой юридически признаются общины коренных народов и гарантируется их законное существование. Однако, несмотря на социалистическую направленность конституций 1938, 1945 и 1948 годов, новая, относительно прогрессивная политика в отношении коренного населения не могла быть реализована в полной мере из-за популярности консервативных идей в кругу авторитетных политиков, военных и интеллектуалов, оказывавших существенное влияние на направление государственной политики [23].

Еще одним важнейшим этапом истории Боливии стал момент с 1952 по 1964 год. Это период Боливийской национальной революции, когда страной управляло Национально-революционное движение (*Movimiento Nacionalista Revolucionario*, MNR, МНР). За 12 лет МНР провёл модернизацию, изменившую ход политического, экономического и социального развития Боливии. Революция ознаменовалась фундаментальными изменениями в жизни граждан Боливии: распределением земли через аграрную реформу, которая привела к полному уничтожению помещичьего режима на западе страны, установлением государственного контроля над природными ресурсами, введением всеобщего избирательного права.

Последовавшее далее правление Р. Баррьентоса Ортуньо (1964-1969 гг.) свело на нет практически все достижения революции. Баррьентос впервые вводит в официальную идеологию боливийского национализма концепцию «боливианида», антиисторическую и реакционную по своей сущности. Исходным посылом ее является апелляция к теории географического детерминизма, к расе и мессианскому предназначению Альтиплано. Ключевой категорией в устремлениях Баррьентоса становится христианство. Целью его программы должно было стать формирование в Боливии христианского и демократического общества, в котором самой высшей ценностью станет человеческая личность, а церковь в этом новом обществе займет соответствующее место [5].

Одновременно с этим Баррьентос не оставил без внимания индейский вопрос. Одной из основных целей он считал вовлечение в национальную экономику индейских крестьян и превращение их в мелких собственников. Он характеризовал индейских крестьян как мудрых, чистых, благородных, хотя и задавленных нуждой и эксплуатацией тружеников [5]. Баррьентос стал воплощением сформированных еще несколько десятилетий назад идей интеллектуалов об исключительной роли коренных жителей в жизни Боливии.

В период правления Баррьентос стремился как можно сильнее укрепить свои позиции среди индейского крестьянства. Его политика была направлена на углубление раскола между рабочими и крестьянами: в то время как горняки подвергались жесточайшим репрессиям, у индейских крестьян появилась возможность укрепить свои связи с государством и получить какие-то выгоды. Несмотря на словесную демагогию, по факту существенные протекционные мероприятия распространялись только на крестьян, сумевших значительно улучшить свое финансовое состояние благодаря земельной реформе [5]. Очевидно, что по сравнению с общей численностью индейской массы Антиплано их было немного.

В 1965 г. Баррьентос отправился в восточные районы страны, чтобы ознакомиться с местными условиями и определить, какие социально-экономические мероприятия необходимы для развития этих районов, для повышения уровня жизни индейского населения и инкорпорации его в социально-экономическую жизнь страны. В этот период активизировалась также деятельность по колонизации новых земель. Военные помогали колонистам расчищать и распахивать участки. Следствием всех мер явилось то, что индейские крестьяне сплотились вокруг Баррьентоса, считая его «своим» президентом [23]. Особенно укрепились его позиции среди индейского крестьянства после указа 1965 г., позволявшего крестьянам продавать и закладывать свою землю. Таким образом, «баррьентизм» являл собой наиболее яркий пример индихенизма, сущность которого сводилась к умелой спекуляции на этноцентристских чувствах и мелкобуржуазных интересах индейских крестьян.

За это десятилетие боливийская экономика совершила резкий рывок – были созданы новые отрасли, рост достигал 5–7 % в год. Тем не менее, положение большей части коренного населения оставалось крайне тяжелым: оно продолжало служить дешевой рабочей силой, а власти, в намерении сплотить нацию, пытались упразднить, по крайней мере, в официальной сфере, употребление слова «индеец», заменив его словом «крестьянин» [1]. Одной из причин игнорирования властями проблем коренного населения было отсутствие сплоченного индихенистского движения. Как было отмечено ранее, большая часть индейского крестьянства после реформы стала мелкими земельными собственниками, что в значительной степени разрушило их сформировавшуюся самобытность, усилило мелкобуржуазную стихию, присущую крестьянству в большей мере, чем другим слоям населения, и обеспечило на долгие годы их лояльность существующему режиму. Несмотря на то, что уже в 1952 году индейцы получили право голосовать, они не могли им воспользоваться, так как сменяемые друг друга военные хунты не были выборными.

Резюмируя вышесказанное, следует отметить, что государственная политика Мексики, Перу и Боливии в отношении коренного населения в период правления авторитарных правительств носила довольно противоречивый характер. С одной стороны, во всех случаях индейская проблема не была оставлена без внимания, несмотря на то, что предпринимаемая политика в целом оказалась вынужденной мерой для поддержания политической стабильности и наращивания экономических показателей. Коренное население в рамках процесса национальной интеграции, к которой по ряду причин стремились как правительства, так и интеллектуалы, в некоей степени стало действительно более включенным в социально-экономические и политические отношения, чем раньше. С другой стороны, преобразования не всегда выходили за рамки юридически закрепленных положений и не способствовали выходу из патерналистских отношений, что никак не могло повлиять на фактическое положение коренного населения. Так, на протяжении XX века индейцы все еще оставались наиболее эксплуатируемым и бедным слоем населения Мексики, Перу и Боливии без возможности влиять на политику правительств.

В 1960–1980-е гг. фокус размышлений латиноамериканских интеллектуалов перемещается с идеи расовой демократии и ассимиляции к вопросам социального и расового неравенства. Одновременно происходит оживление индейских и африканских этнических движений и организаций, выступающих с социальными и политическими требованиями. Оживившаяся борьба индейцев и африканцев за свои права стала результатом процессов демократизации, происходивших как на самом континенте, так и извне, по всему миру. Гражданские активисты впервые со времени войны за независимость получили возможность громко заявить о своей позиции по отношению к нации и расе. В конце

XX века дискуссии о нации, наконец, переместились на низовой уровень и перестали быть уделом высокообразованных интеллектуалов и элит [6].

Распад авторитарного режима в Мексике был связан с потерей доверия к партии власти, которой удавалось сохранять свои позиции на протяжении большей части XX века. К концу 1980-х годов стало очевидно, что политический монополизм PRI уже не способен справиться с кризисами. Институт преемничества также изжил себя – сменявшие друг друга президенты оставляли преемникам тяжелое наследие и не заботились о последствиях политики. В стране начался период нелиберальных реформ.

Проблема коренных народов на рубеже веков оказалась в центре дискурса о формировании нового вектора государственной политики. На это особенно повлияло вооруженное восстание коренных жителей Чьяпаса в 1994 году. Индейцы-крестьяне выдвигали требование конституционного закрепления их прав и выступали против законов, разрешающих куплю-продажу общинных земель. Также звучали требования на право самоорганизации в соответствии со своими обычаями и традициями [15]. Президент Эрнесто Седильо в своей предвыборной кампании обещал сделать все возможное для решения индейской проблемы, однако к концу своего шестилетнего президентского срока так и не смог предпринять каких-либо значительных мер для улучшения положения коренных жителей и удовлетворения их требований [17].

Демократический транзит в Перу характеризовался заметными авторитарными чертами при формально провозглашенных демократических принципах руководства. Тем не менее, страна начала свой путь демократического развития с уже конституционно гарантированными особыми правами для коренных жителей. Конституция 1979 года закрепила курс на дальнейшее расширение прав индейцев и содержала статью о признании языков кечуа и аймара в качестве государственных – это упразднило ценз грамотности и позволило индейским гражданам участвовать в выборах. Кроме того, в конституции была записана норма о неотчуждаемости земель, принадлежавших индейским общинам.

Сумрачным периодом для перуанских индейцев стало президентство Альберто Фухимори, который пришел к власти в 1990 году. Из Конституции 1993 года была исключена норма о неотчуждаемости индейских общинных земель, что делало право на индейскую автономию довольно ограниченным. На исконных землях индейских общин активизировались горнодобывающие компании, что привело к росту межэтнической напряженности [9].

Политика подавления протестной активности Фухимори носила явный расистский характер и опиралась на популярные в первой половине XX века идеи ассимиляции коренных жителей. Со стороны правящей элиты начались спекуляции о склонности индейцев к совершению криминальных действий, коренных жителей обвиняли в «отсталости», которая препятствует развитию перуанского общества. Президент Фухимори стал инициатором кампании по насильственной стерилизации женщин кечуа в части регионов [9].

Новым этапом стало избрание в 2001 году президента индейского происхождения Алехандро Толедо. В 2002 году был дан старт процессу региональной децентрализации. Местные власти получили больше прав, а законодательные и исполнительные органы стали формироваться в ходе прямого голосования. Децентрализация способствовала включению коренных жителей в политические процессы на местном уровне и привела к росту организаций, представляющих интересы коренных жителей. Не менее важной реформой стало введение специальной квоты для представителей коренных этносов в размере 15 % для обеспечения представительства на выборах в органы местной власти [22]. В остальном президентом Толедо был внесен вклад скорее идеологического характера – именно при нем получил новую силу феномен «этнопопулизма». Так, индейские символы активно размещались в агитационных материалах многочисленных, совершенно различных по своим взглядам политических сил [22].

Несмотря на относительный прогресс индихенистской политики, на момент окончания президентства Толедо в Перу оставалось множество неразрешенных проблем. К ним относились нерешенный аграрный вопрос, социальное неравенство, отсутствие социальной инфраструктуры в местах проживания коренных жителей. Неолиберальная модель, исключившая государство из экономики и укрепившая рыночную систему, способствовала осложнению социально-экономического положения коренных жителей [11]. Бедность, социальное исключение и посягательство на исконные земли стали причиной большого количества вооруженных конфликтов между коренными жителями и государством, которые пришлось на первое десятилетие XXI века. Всего в 2006–2011 гг. число подобных конфликтов выросло до 200, а количество индейцев, погибших в стычках с правоохранительными органами, стало исчисляться сотнями [21].

Второе десятилетие XXI века стало временем интенсивного взаимодействия коренных этносов с государством и налаживания диалога. В 2011 году вновь избранный президент индейского происхождения Ольянта Умала подписал Закон о предварительных консультациях, в рамках которого решение спорных вопросов должно было осуществляться путем компромисса. Согласно закону, реализация проектов по добыче природных ископаемых и строительства инфраструктурных объектов не может осуществляться без учета мнения представителей индейских общин [19]. Закон о предварительных консультациях включал в себя и порядок действий, к которому обязано обратиться государство в случае, если компромисс между представителями власти и коренными жителями не будет найден. Так, государство имеет право принять решение в одностороннем порядке, однако оно не должно ставить под угрозу право коренных народов на жизнь, неприкосновенность и собственность [19].

Примечательно, что если в Мексике подобные законы носили в основном номинальный характер, то перуанским властям удалось реализовать его на практике: в период с 2011 по 2017 годы были организованы 38 консультаций, 4 из которых вышли на общенациональный уровень. Усилился контроль над деятельностью добывающих компаний, были внесены правки в ряд крупномасштабных проектов для обеспечения интересов и безопасности коренных этносов.

Тем не менее, нельзя сказать, что налаживание диалога не было проблемным. Несмотря на принятие нового закона, власти, преследуя собственную выгоду, время от времени прибегали к оказанию прямого давления на общинников и манипулировали данными о потенциальном вреде проектов, чтобы не столкнуться с сопротивлением коренных жителей. Представители крупного бизнеса, получившие места в органах власти и возможность лоббировать свои интересы, не были готовы жертвовать своей прибылью ради интересов коренных этносов. Все это подкреплялось отсутствием в Перу системы эффективного контроля деятельности чиновников и механизмов их отчетности [9]. На сегодняшний день больше половины территорий, которые считаются исконными индейскими землями, отданы под разного рода концессии [25].

Отдельно стоит рассмотреть культурный аспект политики Перу в отношении коренных этносов. За признанием языков кечуа и аймара в качестве государственных последовал ряд преобразований, направленных на доступность образования и развитие культуры коренных народов. За 20 лет в Перу количество специализированных образовательных учреждений выросло 25 тыс. Формально практика обучения на индейских языках распространяется на всю образовательную систему страны. Ведущими вузами были разработаны курсы, обучение которых проходит на языках коренных народов [9]. Качественное образование на родном языке дают коренному населению шанс подняться по социальной лестнице, получить престижную работу и вырваться из бедности. Здесь прослеживается явный контраст с ситуацией в Мексике, где почти половина носителей языка коренных народов не имеет даже начального образования.

Кроме того, была институционализована сфера традиционной медицины коренных народов, что привело к созданию множества специализированных медицинских учреждений и увеличению числа медицинских работников на территории проживания индейских общин, в том числе и в труднодоступных районах [24].

Следует отметить, что, несмотря на активные усилия перуанских властей по сохранению и укреплению культурной идентичности индейского населения, само определение индейской идентичности вызывало известные трудности, так как в Перу до 2017 года критерием определения этнической принадлежности в переписях населения являлся родной язык, что в итоге формировало не совсем репрезентативную статистику. Включение нового критерия в национальную перепись 2017 года породило много ожиданий, поскольку должно было значительно облегчить идентификацию и возможность мониторинга состояния коренного населения. Отдельно стоит подчеркнуть, что манипуляции с переписью были в целом характерны на протяжении XX века для тех стран латиноамериканского региона, которым было важно сохранить иллюзию расового смешения и расовой демократии. Так, ни одна государственная перепись Венесуэлы, проведенная с момента отмены рабства в 1854 г. по 2001 г., не включала в себя категорию «раса» [7].

Слом авторитарной формы правления и становление новых демократических институтов в Боливии сопровождалось серьезной политической нестабильностью. Начиная с конституционных выборов 1982 года, каждое правительство в среднем находилось у власти два года и десять месяцев. Неолиберальные преобразования, начавшиеся в Боливии уже в середине 80-х годов, привели к негативным последствиям: массовым увольнениям, еще большему росту социального неравенства и бед-

ности. За этим последовал всплеск общественного недовольства и, соответственно, масштабный политический кризис. Произошел слом устоявшейся системы и начался этап «левого поворота».

Боливия явила миру самый яркий пример левого поворота в Латинской Америке. В этой стране с индейским большинством и уровнем бедности в 2005 г. около 60 % [16] к власти пришли выходцы из низов — рабочие, крестьяне и, конечно, сами индейцы. В условиях политического кризиса и полнейшего разочарования в неолиберальных преобразованиях победу на президентских выборах 2005 года одержал Эво Моралес – индеец-аймара и активный борец за права коренного населения. Его предвыборная кампания во многом носила популистский характер и подразумевала широкую поддержку коренного населения. Важной в списке политических приоритетов стала концепция «вивир бьен» (от исп. *vivir bien* – жить правильно), идеи которой основывались на традиционных ценностях и образе жизни индейцев Боливии. Контуры будущей политической программы правительства Моралеса были очерчены еще задолго до президентских выборов 2005 года. Список требований включал пункты, касающиеся радикального перераспределения земли и богатств, национализации промышленности, отказа от экспорта газа в США, общественного контроля над использованием природных ресурсов. Ключевыми принципами стали антиглобализм, антиимпериализм, социальная справедливость, экономический суверенитет и партисипативная демократия [9].

Во время пребывания на посту президента Моралесу удавалось сочетать популистскую риторику с относительно прагматичной экономической и социальной политикой. Среди социальных приоритетов правительства Э. Моралеса главное место было отведено преодолению бедности. В Боливии, как во всей Латинской Америке, индейское население оставалось наиболее бедным и исключенным из общественных отношений. За время президентства Моралесу удалось сократить уровень бедности более чем на 25 % – на 2018 год он составил 34,6 % [14]. Такие результаты были достигнуты в первую очередь благодаря национализации нефтегазового сектора, что значительно увеличило доходы государственного бюджета и позволило увеличить расходы на социальные программы, в частности ликвидацию бедности. С 2005 г. ВВП Боливии в среднем ежегодно рос на 3,8–4 %, сократились безработица и бедность, снизилась младенческая смертность, которая также являлась серьезной проблемой для коренных жителей, проживающих в труднодоступных местах.

Не был оставлен без внимания и аграрный вопрос, также являвшийся крайне важным для коренных жителей. Начатая в 2007 г. аграрная реформа позволила вернуть в оборот миллионы гектаров пустовавших земель и заняла работой десятки тысяч крестьян, часть которых получила от государства новую технику. Индейские общины получили в коллективное пользование земельные, лесные и водные ресурсы в районах своего проживания, в их компетенцию вошли управление здравоохранением, образованием, сельским хозяйством, защитой окружающей среды. К 2014 г. было проверено 47 миллионов гектаров земель, из которых более трети находились в коллективном пользовании индейцев и крестьян. В это же время крупные собственники стали владельцами лишь 8 % земель [3]. Реформа сгладила традиционный конфликт между безземельными крестьянами и крупными собственниками земли, а также привела в относительный баланс интересы государства, индейских объединений и крестьянских союзов.

Правительство Эво Моралеса очень серьезно отнеслось к решению земельного вопроса и перераспределению ресурсов в пользу коренного населения. Так, в рамках конфликта вокруг строительства федеральной трассы через национальный парк ТИПНИС (*TIPNIS – Territorio Indígena y Parque Nacional Isiboro-Sécure*), являющегося территорией исконного проживания индейских племен, государство не проигнорировало недовольство со стороны представителей коренных этносов – контракт был аннулирован [28]. По сравнению с Перу и тем более Мексикой, Боливия достигла большого прогресса в вопросе эксплуатации земель коренных народов.

Политическая сфера в период правления Эво Моралеса также претерпела трансформацию. Главный акцент был смещен в сторону расширения политических, экономических, социальных и культурных прав населения, а также повышения вовлеченности граждан в общественно-политические и экономические процессы. Сейчас представители коренного населения Боливии являются активными участниками политической жизни страны на всех уровнях. Индейцам обеспечено представительство во всех органах власти, в том числе и в Конституционном суде, гарантировано право на территориальные автономии и местное самоуправление.

Если в Перу политическое представительство коренных народов носит пока скорее номинальный характер, то в Боливии индейцы принимают участие в реальной политической борьбе. Несколь-

ко лет назад на местных выборах в городах, играющих уже долгое время ключевую роль в национальной политике и являющихся центрами «Движения к социализму», победили представители оппозиции, представлявшие интересы нарождающегося «индейского среднего класса». Кресло губернатора департамента Ла-Пас занял интеллектуал и предприниматель-аймара Феликс Патци Пако [14].

Несмотря на успех индихенистской политики и формирования своеобразного «рая для индейцев», в политике Эво Моралеса не обошлось без проблемных и крайне спорных моментов. Такой противоречивой составляющей стала проблема культивирования коки, которая олицетворяет не столько политику Моралеса, сколько индейскую культуру в целом. Благодаря своей активности и апелляции к традиционному укладу индейцев Боливии Эво Моралес добился признания законности употребления листьев коки на территории Боливии в рамках практики традиционной медицины. Данную инициативу поддержала большая часть боливийского общества, а факт международного признания привел к многотысячным торжествам и стал объединяющим фактором боливийского народа [4].

Тем не менее, отсутствие серьезных конфликтов между государством и населением, которые можно было наблюдать в Перу, показывает, что политика Эво Моралеса в целом отвечала потребностям граждан, большую часть которых составляют коренные жители. В случае Боливии индейцу не только удалось занять пост главы государства, но и продержаться на этом посту несколько сроков. При этом за относительно короткое время удалось значительно улучшить положение коренных жителей во всех сферах общественной жизни.

В 2019 году после массовых демонстраций, вызванных обвинениями в фальсификации результатов выборов, Эво Моралес был вынужден уйти в отставку, а временно исполняющей обязанности президента стала Жанин Аньес Чавес, которую называли яркой противницей Моралеса. Несмотря на прогнозы, связанные с победой Аньес Чавес на президентских выборах 2020 года, временный президент сняла свою кандидатуру, а в марте 2021 года и вовсе была арестована за попытку государственного переворота. Победу одержал Луис Альберто Арсе Катакора, который представляет созданную в 1997 году Эво Моралесом партию "Движение к социализму", что в целом доказывает сохранение популярности в Боливии левых политических сил. Стоит ожидать, что в ближайшее время в Боливии сохранится тенденция на улучшение социально-экономического и политического положения коренного населения, но, очевидно, преобразования будут носить менее радиальный характер.

Выводы

Сценарий становления индихенистской политики в данных странах оказался различным. Динамика развития индихенистской политики в Мексике оказалась крайне неравномерной и противоречивой. Интеллектуалы первой половины XX века, имевшие значительное влияние на принятие политических решений и сплотившиеся под радикальными знаменами метисации, задали тенденцию на угнетение коренных этносов и стирание их культуры. Прослеживается явная связь между родом деятельности интеллектуалов и их представлением о роли и месте коренного населения в формировании нации. Государственные деятели главным образом поддерживали идею скорейшей ассимиляции индейцев и даже не рассматривали их как особый элемент нации, что было удобно для быстрого достижения желаемой модернизации. Философы и писатели, напротив, выделяли индейцев в отдельную группу, требующую особого отношения и особой государственной политики.

В период авторитаризма мексиканские власти, концентрируя все ресурсы на наращивание экономической мощи, что было главной целью на протяжении большей части XX века, не решались обратиться непосредственно к индейской проблеме. Тем не менее, именно в это время для стимулирования роста сельскохозяйственной продукции было инициировано масштабное аграрное перераспределение в пользу индейцев-крестьян, что сделало их лояльными к авторитарным правительствам. До сих пор президент Ласаро Карденас остается в памяти коренных народов как великий благодетель из-за аграрного распределения, несмотря на то, что о его реальном отношении конкретно к индейской проблеме по-прежнему мало что известно.

Сегодня в стране практически полностью отсутствует диалог между государством и коренными народами, что обуславливает крайне угнетенное положение индейцев как в социально-экономическом, так и в политическом и культурном плане. Демократизация не только не улучшила, но даже ухудшила положение коренных народов. В рамках рыночных отношений и капитализма индейские крестьяне оказались исключенными из мексиканского общества, а проблема неравенства в уровне образования, дохода и жизни в целом стала еще более серьезной и очевидной.

Перуанский сценарий становления государственной индихенистской политики оказался более оптимистичным. На протяжении всего исторического периода независимости власти не только не игнорировали индейскую проблему, но и не стремились стереть индейскую идентичность. Перуанские интеллектуалы отмечали исключительную роль индейского населения в развитии страны.

Случай Перу является примером включения коренных народов в социальные и политические процессы без посягательства на самобытность. Такой подход к представителям коренных этносов был сформирован еще при авторитарных правительствах и обеспечил сохранение низкого уровня межэтнической напряженности, что, безусловно, способствует политической стабильности. Одновременно с этим в некоторых сферах сохраняются точки потенциального роста, в частности, это касается проблемы отсутствия осязаемого представительства на общенациональном уровне, а также проблемы посягательства на исконные земли индейцев в рамках крупномасштабных проектов застройки, которая связана с нерешенным аграрным вопросом.

Что касается случая Боливии, то здесь динамика становления индихенистской государственной политики оказалась также неравномерной. В силу преобладающего среди общего населения числа коренных жителей индейская проблема никогда не игнорировалась, несмотря на то, что в период нахождения у власти военных правительств она также рассматривалась через призму необходимости наращивания экономических показателей. Основное развитие пришлось исключительно на президентство Эво Моралеса, который пробыл у власти 13 лет. На примере Боливии становится очевидно, что именно социалистические принципы государственного управления способствовали таким радикальным и эффективным преобразованиям. Так, национализация земель решила до сих пор существующую в Мексике и Перу проблему посягательства на исконные земли индейских общин, а о проблеме представительства коренных народов Боливии на разных уровнях власти говорить также не приходится.

Наконец, стоит отметить, что гипотеза, выдвинутая ранее, не подтвердилась. Очевидно, что условием для развития индихенизма является не столько демократия, сколько государственная политика, основанная на левых принципах управления, которые позволяют реализовать данную идеологию в полной мере. В частности, именно национализация земель позволяет решить аграрный вопрос, являющийся неотъемлемой частью индихенистской политики. Также является показательным то, что в ряде случаев при авторитарных режимах предпринимаемые для улучшения жизни коренного населения меры оказывались более эффективными, чем при демократических.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Александренков, Э. Г. Индихенизм в Латинской Америке (политика и наука о коренных обитателях) / Э. Г. Александренков // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. – 2006. – № 188. – С. 3–22.
2. Алексеева, Т. А. Мыслить конструктивистски: открывая многоголосый мир / Т. А. Алексеева // Сравнительная политика. – 2014. – № 1. –
3. Воротникова, Т. А. Боливия: вторая аграрная революция // Латинская Америка. 2008. № 1. С. 16–29.
4. Воротникова Т. А. Десять лет спустя: как изменилась Боливия при Эво Моралесе // Свободная мысль. 2016. № 6. С. 125–136.
5. Гончарова, Т. В. Индеанизм: идеология и политика. Боливия, Перу, Эквадор 50–60 гг. XX века / Т. В. Гончарова. – Москва, 1979. – 201 с.
6. Данилова, Г. А. Вопросы нациестроительства в риторике латиноамериканских интеллектуалов и элит: от прошлого к настоящему / Г. А. Данилова // *Ars Administrandi*. – 2019. – № 2. – С. 330–334.
7. Данилова, Г. А. Раса и политика в современной Венесуэле / Г. А. Данилова // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. – 2008. – №1. – С. 56–70.
8. Ивановский, З. В. Латинская Америка в новом тысячелетии. Социальная панорама и динамика политических процессов / З. В. Ивановский // Латинская Америка. – 2019. – № 8. – С. 6–12.
9. Кретов, С. М. «Индейский вопрос» в Перу. Исторический контекст и современное состояние межэтнического диалога / С. М. Кретов // Латинская Америка. – 2020. – № 10. – С. 81–98.
10. Мариатеги, Х. К. Семь очерков истолкования перуанской действительности / Х. К. Мариатеги. – Москва, 1963. – 292 с.
11. Перу. Поиск новых ориентиров на исходе экономического чуда / отв. ред.: В. М. Давыдов. – Москва : ИЛА РАН, 2014. – 27 с.
12. Строганов, А. И. Латинская Америка в XX веке: пособие для вузов / А. И. Строганов. – Москва, 2008. – 416 с.

13. Чернышев, А. Боливия как бастион «левого поворота» в Латинской Америке / А. Чернышев // Российский совет по международным делам. – URL: РСМД: Боливия как бастион «левого поворота» в Латинской Америке (russiancouncil.ru) (дата обращения 12.05.2020).
14. Шинкаренко, А. А. Становление индигенизма в Латинской Америке / А. А. Шинкаренко // Латинская Америка. – 2011. – № 8. – С. 76–88.
15. Яковлев, П. П. Мексика: сложные проблемы восходящей державы / П. П. Яковлев. – Москва, 2011.
16. Bolivia – Poverty headcount ratio at national poverty lines. Trading Economics. 2018. – URL: <https://tradingeconomics.com/bolivia/poverty-headcount-ratio-at-national-poverty-line-percent-of-population-wb-data.html> (date of access: 14.06.2020).
17. Cedillo Delgado R. Rasgos de la cultura política de los indígenas en México. Una revisión a inicios del siglo XXI // Espacios Públicos. – 2009. – Vol.12, Mo.26. – Pp. 206–228.
18. Hawkins, R. Tupac Amaru as a Symbol of Peruvian Nationalism. Connecticut College, 2013. – URL: <https://digitalcommons.conncoll.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1015&context=sflresearch> (date of access: 10.02.2019).
19. Humala promulga la ley de consulta a los pueblos indígenas. El País. 08.09.2011. – URL: https://elpais.com/internacional/2011/09/08/actualidad/1315432808_850215.html (date of access: 07.02.2020).
20. Jurado Nacional de Elecciones. 2018. – URL: <https://portal.jne.gob.pe/portal/Pagina/Ver/353/page/Estadistica-Electoral> (date of access: 24.05.2020).
21. Los pueblos indígenas del Perú: de García a Humala, la batalla continua. The Guardian. 06.06.2012. – URL: <https://www.theguardian.com/global-development/poverty-matters/2012/jun/06/peru-indigenas-garcia-humala> (date of access: 21.05.2021).
22. Madrid, R.L. The Rise of Ethnic Politics in Latin America / R. L. Madrid. – Cambridge : Cambridge University Press, 2012. – 2012. – 239 p.
23. Mosino, L. C. Indigenismo y constitución en Bolivia (un enfoque desde 1990 a la fecha) / L. C. Mosino // Iuris Tantum Revista Boliviana de Derecho. – 2015. – No. 19. –
24. Ordenanza regional favorece salud intercultural. – URL: <https://www.servindi.org/actualidad-noticias/18/08/2016/amazonas-publican-ordenanza-regional-en-salud-intercultural-que> (date of access: 24.05.2020).
25. Perú a seis años de la consulta previa. El Gran Angular & 2020. – URL: <http://elgranangular.com/consultapreviaperu/reportaje1/> (date of access: 28.05.2020).
26. Sanz Jara, E. Continuidades en el discurso intelectual y político mexicano sobre los indígenas, siglos XIX y XX / E. Sanz Jara // Tzintzun. 2010. – No. 51. – URL: http://www.scielo.org.mx/scielo.php?script=sci_arttext&pid=S0188-28722010000100004 (date of access: 10.02.2019).
27. Valdivia Dounce, T. Reconocimiento de derechos indígenas: ¿Fase superior de la política indigenista del siglo XX? / T. Valdivia Dounce // Nueva antropología. – 2013. – No. 26 (78). – Pp. 9–41.
28. Webber, J. R. Teatro político en Bolivia / J. R. Webber // Herramienta. – 2015. – Pp. 44–62.

Поступила в редакцию 09.11.2021

Данилова Галина Александровна, кандидат политических наук, доцент кафедры политических наук
 E-mail: daniilova@psu.ru
 ORCID 0000-0002-1069-5411
 ResearcherID N-3087-2018

Демянник Алла Александровна, студентка 4 курса направления бакалавриата «Политология»
 историко-политологического факультета,
 E-mail: treykhenbakh@gmail.com

Пермский государственный национальный исследовательский университет
 614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15

G.A. Danilova, A.A. Demyannik
POLITICS OF INDIGENISM IN MODERN LATIN AMERICA

DOI: 10.35634/2587-9030-2022-6-1-111-125

The article deals with the politics of indigenism in modern Latin America. Based on the socio-constructivist approach, the changes that took place during the XX–XXI centuries in the public policy of a number of countries in the region in relation to the indigenous population are analyzed, the positions of intellectuals and elites in the formation of the agenda and various options for the policy of indigenism in the context of the colonial European heritage and political events of the XX century are evaluated. Indigenism in this work is considered as a specific public policy towards the indigenous

population and a strategy of nation-building in Latin American countries. Special attention is paid to the countries in which a significant part of the population is made up of Indians – Mexico, Peru and Bolivia. These countries have been united by a common history for centuries: the pre-Hispanic civilizations of America – the Maya, Aztecs, Incas, who inhabited their territories, were distinguished by a high level of development of science and culture. However, for a long time, both in colonial times and after independence, indigenous ethnic groups seemed incapable of independent development, they were purposefully destroyed or assimilated. For integrated Mestizo Indians in some Latin American countries, special terms have been adopted aimed at erasing their Indian origin. European liberalism also contributed to the downgrading of the status of Indians and Indian land, which was constantly under attack. Despite the visible positive changes that took place by the end of the XX century in Latin American legislation concerning Indians, they are still forced to fight for their territory, cultural identity, are in a disenfranchised and distressed situation. The article identifies a number of factors (ideological commitment, the nature of the political regime, etc.) that have had one way or another influence on the change in the rhetoric of Latin American elites in setting the indigenist agenda in different time periods. Conclusions are drawn about the variability of the policy of indigenism in these countries at the present stage, depending on a combination of a number of factors.

Keywords: Latin America, public policy, indigenism, nation-building, nationalism, racial relations, intellectuals, indigenous people.

REFERENCES

1. Aleksandrenkov, E. G. Indihenizm v Latinskoj Amerike (politika i nauka o korennyh obitatelyah) / E. G. Aleksandrenkov // *Issledovaniya po prikladnoj i neotlozhnoj etnologii*. – 2006. – № 188. – P. 3–22.
2. Alekseeva, T. A. Myslit' konstruktivistski: otkryvaya mnogogolosyj mir / T. A. Alekseeva // *Sravnitel'naya politika*. 2014. – № 1.
3. Vorotnikova, T. A. Boliviya: vtoraya agrarnaya revolyuciya / T. A. Vorotnikova // *Latinskaya Amerika*. – 2008. – № 1. – S. 16–29.
4. Vorotnikova, T. A. Desyat' let spustya: kak izmenilas' Boliviya pri Evo Moralese / T. A. Vorotnikova // *Svobodnaya mysl'*. – 2016. – № 6. – S. 125–136.
5. Goncharova, T. V. Indeanizm: ideologiya i politika. Boliviya, Peru, Ekvador 50-60 gg. XX veka / T. V. Goncharova – Moscow, 1979.
6. Danilova, G. A. Voprosy naciestroitel'stva v ritorike latinoamerikanskih intellektualov i elit: ot proshlogo k nastoyashchemu / G. A. Danilova // *Ars Administrandi*. – 2019. – № 2. – S. 330–334.
7. Danilova, G. A. Rasa i politika v sovremennoj Venesuele / G. A. Danilova // *Vestnik Perm. un-ta. Ser. Politologiya*. – 2008. – №1. – S. 56–70.
8. Ivanovskij, Z. V. Latinskaya Amerika v novom tysyacheletii. Social'naya panorama i dinamika politicheskikh processov / Z. V. Ivanovskij // *Latinskaya Amerika*. – 2019. – № 8. – S. 6–12.
9. Kretov S.M. Indejskij vopros» v Peru. Istoricheskij kontekst i sovremennoe sostoyanie mezhetnicheskogo dialoga // *Latinskaya Amerika*. 2020. № 10. S. 81-98.
10. Mariategi, H. K. Sem' ocherkov istolkovaniya peruanskoj dejstvitel'nosti / H. K. Mariategi. – Moscow, 1963. – 292 p.
11. Peru. Poisk novyh orientirov na iskhode ekonomicheskogo chuda / ed.: V. M. Davydov. – Moskva: ILA RAN, 2014. – 27 p.
12. Stroganov, A. I. Latinskaya Amerika v XX veke: posobie dlya vuzov / A. I. Stroganov. – Moskva., 2008. –
13. Chernyshev, A. Boliviya kak bastion «levogo povorota» v Latinskoj Amerike /A. Chernyshev // *Rossijskij sovet po mezhdunarodnym delam*. – URL: [RSMD: Boliviya kak bastion «levogo povorota» v Latinskoj Amerike \(russian-council.ru\)](https://rsmid.ru/boliviya-kak-bastion-levogo-povorota-v-latinskoj-amerike) (data obrashcheniya 12.05.2020).
14. Shinkarenko, A. A. Stanovlenie indihenizma v Latinskoj Amerike / A. A. Shinkarenko // *Latinskaya Amerika*, 2011. – № 8. – S. 76–88.
15. Yakovlev, P. P. Meksika: slozhnye problemy voskhodyashchej derzhavy / P. P. Yakovlev. – Moskva, 2011.
16. Bolivia – Poverty headcount ratio at national poverty lines. Trading Economics. 2018. – URL: <https://tradingeconomics.com/bolivia/poverty-headcount-ratio-at-national-poverty-line-percent-of-population-wb-data.html> (date of access: 14.06.2020).
17. Cedillo Delgado R. Rasgos de la cultura política de los indigenas en México. Una revisión a inicios del siglo XXI // *Espacios Públicos*. – 2009. – Vol.12, Mo.26. – Pp. 206–228.
18. Hawkins, R. Tupac Amaru as a Symbol of Peruvian Nationalism. Connecticut College, 2013. – URL: <https://digitalcommons.conncoll.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1015&context=sflresearch> (date of access: 10.02.2019).
19. Humala promulga la ley de consulta a los pueblos indígenas. El País. 08.09.2011. – URL: https://elpais.com/internacional/2011/09/08/actualidad/1315432808_850215.html (date of access: 07.02.2020).
20. Jurado Nacional de Elecciones. 2018. – URL: <https://portal.jne.gob.pe/portal/Pagina/Ver/353/page/Estadistica-Electoral> (date of access: 24.05.2020).

21. Los pueblos indígenas del Perú: de García a Humala, la batalla continua. *The Guardian*. 06.06.2012. – URL: <https://www.theguardian.com/global-development/poverty-matters/2012/jun/06/peru-indigenas-garcia-humala> (date of access: 21.05.2021).
22. Madrid, R. L. *The Rise of Ethnic Politics in Latin America* / R. L. Madrid. – Cambridge : Cambridge University Press, 2012.. – 2012. – 239 p.
23. Mosino, L. C. Indigenismo y constitución en Bolivia (un enfoque desde 1990 a la fecha) / L. C. Mosino // *Iuris Tantum Revista Boliviana de Derecho*. – 2015. –No. 19. –
24. Ordenanza regional favorece salud intercultural. – URL: <https://www.servindi.org/actualidad-noticias/18/08/2016/amazonas-publican-ordenanza-regional-en-salud-intercultural-que> (date of access: 24.05.2020).
25. Perú a seis años de la consulta previa. *El Gran Angular* & 2020. – URL: <http://elgranangular.com/consultapreviaperu/reportaje1/> (date of access: 28.05.2020).
26. Sanz Jara, E. Continuidades en el discurso intelectual y político mexicano sobre los indígenas, siglos XIX y XX / E. Sanz Jara // *Tzintzun*. 2010. – No. 51. – URL: http://www.scielo.org.mx/scielo.php?script=sci_arttext&pid=S0188-28722010000100004 (date of access: 10.02.2019).
27. Valdivia Dounce, T. Reconocimiento de derechos indígenas: ¿Fase superior de la política indigenista del siglo XX? / T. Valdivia Dounce // *Nueva antropología*. – 2013. – No. 26 (78). – Pp. 9–41.
28. Webber, J. R. *Teatro político en Bolivia* / J. R. Webber // *Herramienta*. – 2015. – Pp. 44–62.

For citation:

Danilova G.A., Demyannik A.A. Politics of indigenism in modern Latin America // *Bulletin of Udmurt University. Sociology. Political Science. International Relations*. 2022. Vol. 6, iss. 1. P. 111–125. <https://doi.org/10.35634/2587-9030-2022-6-1-111-125> (In Russ.).

Received 09.11.2021

Danilova G.A., Candidate of Political Sciences, Associate Professor of the Department of Political Sciences

E-mail: danilova@psu.ru

ORCID 0000-0002-1069-5411

ResearcherID N-3087-2018

Demyannik A. A., 4th year student of the Bachelor's degree in Political Science

Email: treykhenbakh@gmail.com

Perm State University

Bukireva st., 15, Perm, Russia, 614990